

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Новое
Литературное
Обозрение

Йонатан Видгоп

Свидетельство

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА 2023

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
В42

Редактор серии — Д. Ларионов

Видгоп, Й.

В42 Свидетельство / Йонатан Видгоп. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 176 с.

ISBN 978-5-4448-1952-4

Герой романа Йонатана Видгопа — литератор, который в поисках творческой свободы и уединения покидает родительский дом. Случайный поезд привозит беглеца в странный город: жители здесь предпочитают забывать все, что может их огорчить — даже буквы собственного алфавита. С приездом незнакомца внутри этого закрытого мирка начинают происходить перемены: горожане сначала принимают писателя за нового Моисея, а затем неизбежно разочаровываются в своем выборе. Поначалу кажущаяся нелепой и абсурдной жизнь маленького города на глазах читателя превращается в чудовищный кафкианский кошмар, когда вместе с памятью герои начинают терять и человеческий облик. Йонатан Видгоп — русскоязычный израильский писатель, режиссер, основатель Института науки и наследия еврейского народа Am haZikaron.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© A. J. Vidgor, 2023
© Н. Агапова, дизайн обложки, 2023
© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Смешно оснастился ты для этого мира.
Франц Кафка

Литератор

Мне кажется, что я литератор.

Впрочем, столь давно мне это стало казаться, что я уже и не помню, когда ощущал себя кем-либо иным...

Никто не догадывается об этом. Быть может, я — единственный, кому это известно. Иногда я спрашиваю себя, почему же я до сих пор так и не написал ни одной книги. На этот вопрос у меня нет ответа. Тем не менее я уверен, что сочинительство — мое призвание.

Я не знаю, как выглядят настоящие писатели, в своей жизни я не встречал ни одного из них. Будучи в полном неведении относительно должного внешнего вида, я растолстел и производил весьма упитанное впечатление. Но вскоре я услышал обрывок разговора двух прохожих, один из которых, обсуждая какого-то литератора, заметил, что тот очень худ и выглядит совершенно изможденным. Мне стало не по себе: я был настолько полнотел, что, видимо, никому из моих будущих читателей и в голову бы не пришло, что я их писатель.

Я начал страшно худеть. Это происходило без каких-либо усилий с моей стороны, просто, само собой. Вскоре я стал так тонок, что некоторые знакомые, принимая меня, видимо, за кого-то другого, перестали раскланиваться со мной.

По случаю в антикварной лавке купил я большой старинный письменный стол. Ну и, конечно, пришлось купить и хорошее кресло, не писать же сидя на неудобном стуле. Ну вот наконец комната моя стала похожа на прибежище литератора. Зайдя в городскую

библиотеку, чтобы взглянуть на портреты других писателей, я был поражен: сколько же книг уже написали они до меня! Немедленно нужно было приступить к работе.

Но в родительском доме сделать это было практически невозможно. Моя семья, давно разорившись, умудрилась свить себе уютное гнездышко под Триестом. И там мои многочисленные девственные и вдовы сестры с утра до вечера перемалывали кости моей матушке, отцу и несчастному брату. Отец, в свою очередь, еще мнил себя помощником заместителя бургомистра. Матушка под утро шастала по спальням сестриц, выслеживая незваных гостей. А брат из несчастного мальчика, попавшего под колеса, калеки и любимца семьи, неспешно превращался в угрюмого инвалида, для которого не было большего удовольствия, как подстеречь ночью подвыпившего кавалера, шатко выползающего из окна матушки, ударить по нему костылем и, подняв крик, разбудить отца.

За много миль от них я и сейчас слишком хорошо представляю себе эту картину. Отец, как старый упрямый конь, давно вышвырнутый в угол конюшни, всхрапывает, услышав стон боевой трубы, хватая свой линялый сюртук, бряцающий нелепыми наградами, ногой выпихивает с кровати нашу старуху няньку и, гордо выпятив челюсть, торжественно кряхтя, вышагивает по саду. В саду уже все семейство. Брат луженой своей глоткой выпаливает ужасную весть. Матушка, бесконечно оправляющая и без того длинную ночную сорочку, вскрикивает. Сестрицы визгливо хохочут и по очереди на цыпочках заглядывают в окно матушкиной спальни. Через некоторое время все расходятся. Отец, пребывая еще в некотором негодовании, не подпускает няньку к кровати, и та засыпает на коврик, свернувшись у его ног.

Впрочем, наутро вся семья в сборе: неспешно выходя из своих комнат, все чинно рассаживаются

в гостиной за утренней трапезой, за опоздание к которой в детстве следовала торжественная порка.

Писать что-либо в такой обстановке было совершенно немыслимо. К тому же именно в это время моя сожительница удрала с местным провизором, через неделю прислав мне картонную коробку с целым ворохом своего белья. Я развесил белье по своей комнате, и так оно провисело месяц, покрываясь пылью, пока не исчезло однажды, выкраденное моей завистливой матушкой. Проходя вечером по коридору, я заметил через приоткрытую дверь, как при тусклом свете мигающей лампочки моя матушка напяливала на свою длинную отвисшую грудь необъятный бюстгальтер, выкраденный из моей комнаты. Она вдыхала запах чужого белья, облизывала дряблые губы и, кое-как нервными руками приладив бюстгальтер у себя за спиной, пыталась разглядеть в давно не мытом зеркале нечто, что давно исчезло и было забыто всеми, кроме нее.

Еще через месяц любовница прислала мне цветную открытку, где была запечатлена среди обнаженных подруг и усатого мужчины с английской трубкой.

Это явилось последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Я понял, что, если пробуду в родительском доме еще хотя бы несколько дней, слушая взвизги родственников и получая очередное послание от бывшей любви, — я никогда не создам свою книгу.

Я бросил все и сел в первый попавшийся поезд, забыв поинтересоваться конечным пунктом его назначения. Железные дороги за те несколько лет, что я не пользовался ими, растянули свои щупальца на невероятные расстояния. Я сидел в спальном вагоне, закрыв глаза и не желая знать, что делается за окном. Вдруг почему-то мне вспомнилась история, свидетелем которой я был, пока недолгое время пытался пройти курс в университете.

Речь профессора

Несколько лекций читал у нас известный профессор. Он был немолод. Его грузное тело, казалось, мешало ему. Каждый раз он неуклюже вскарабкивался на кафедру, теряя при этом неизменную папку с тезисами своей будущей бурной речи. Он опрокидывал выставленный заботливым служителем графин с содовой, цеплялся манжетами брюк за угол деревянной подставки и, чертыхаясь, проклинал свет.

Профессор имел дурную привычку забывать о своей аудитории, внимающей каждому его слову. Он принимался рассуждать сам с собой, вслух, обсуждая свою жизнь, своих недругов и приверженцев и ругая созданную им школу. Но именно эти шокирующие откровения делали его лекции популярными. Весь университет сбегался послушать их. В конце концов, решили мы, профессору, видимо, безразлично, что подумает о нем научная общественность и все остальное человечество: он настолько устал от собственной славы, что может позволить себе высказать наконец то, что является для него единственно ценным.

Итак, набившись, как всегда, в аудиторию до такой степени, что протиснуться в дверь уже не было никакой возможности, мы ждали очередной сенсации. Профессор не должен был обмануть наших ожиданий. Трюки, которые он выделывал, неожиданности, что подстерегали нас на его выступлениях, никогда нельзя было предугадать. Он был непредсказуем. И за это его любили студенты и терпеть не могли коллеги. Университет ждал.

Кряхтя, профессор забрался на кафедру. На этот раз графин с содовой устоял. По привычке профессор открыл папку и вновь захлопнул ее. Вытащил круглые свои очки, швырнул их на кафедру. Одно из стекол треснуло.